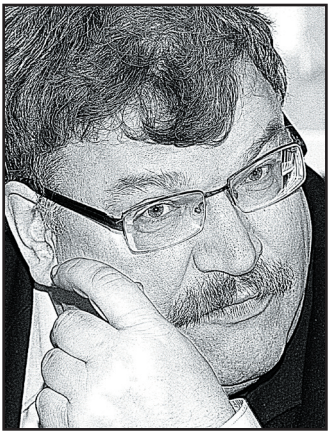
17 стихотворений школы 17

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2009



ОТ ИЗДАТЕЛЯ

У поэта, как у творческой личности, есть две проблемы. Первая заключается в том, что он не может не писать. А вторая – как донести свои произведения до остального мира.

Школа дает возможность раскрыться детям. Они самовыражаются в журнале «Наше все» и в программе «Школа PRO». Пришла пора дать возможность раскрыться нашим учителям.

Дорогой читатель, вы держите в руках сборник, идея и концепция которого давно витали в воздухе. Семнадцать стихотворений авторов, работающих в семнадцатой школе. Дважды счастливая цифра семь, два одинаковых числа семнадцать, приносящих удачу.

Стихи, собранные тут, очень разные, как и сама наша жизнь. Есть возвышенные и лирические, грустные и шутливые, они дают возможность задуматься и переживать вместе с авторами. И возможно (хоть это и не главная задача искусства) эти стихотворения кому-то помогут в наше нелегкое время. В конце концов, кризисы приходят и уходят, а искусство с нами всегда.

Приятного Вам чтения и дай Бог нам всем удачи.

Владимир Борисов

ТАТЬЯНА КОРНЫШЕВА

Кухня

Мы на кухоньке уютной часто спорим по ночам.
Столик узкий, проход тесный нравятся безумно нам.
Каждый день глядим друг другу в надоевшие глаза.
И без этой кухни-друга нам прожить никак нельзя.
В этой кухоньке уютной, длинной, словно твой чулок
Каждый из семейки дружной любит лишь свой уголок.
В ней всегда гостей встречаем, в ней и плачем, и поем,
И по вечерам мечтаем посидеть чуток вдвоем.
Из гостей спешим на кухню, словно к матери родной,
И лишь здесь в минуты грусти обретаю я покой.

Душа поет, из сердца льется песня,
То космос мне энергию дает.
И ощущается прилив большого счастья,
И льется песня, и душа моя поет.
Кто я? Девчонка, девушка, подросток?
Что жить по полной силы придает?
А может я земли этой отросток?
И льется песня, и душа моя поет.
В окно шумят деревья вековые,
Гудят машины, и сигнализация ревет.
Хоть жизнь моя без славы и почета,
А льется песня, и душа моя поет.
Когда живешь в ладу с самим собою,
Не гложет совесть, сердце ровно бьет,
И полной грудью ты вдыхаешь счастье,
И льется песня, и душа моя поет.
Сердечный жар, что душу наполняет,
Творить добро и подвиги зовет,
В минуты эти я парю над миром,
И льется песня, и душа моя поет.
А что же ей не петь, душе моей?

Есть дети, дом, семья, здоровье Бог дает.
Жить с каждым днем все лучше, веселей,
И льется песня, и душа моя поет.
Когда-нибудь, когда меня не станет,
После зимы на речке треснет лед,
А ты прислушайся тихонько, вдруг услышишь,
Услышишь песню: то душа моя поет.

Вечер

За окном идет дождь грибной,
небо в тучах и солнца нет,
Лишь соседи шумят за стеной,
и дневной меркнет в сумерках свет.
Чаще стала задумываться я –
жизни в чем основной секрет?
Может в том, что встает заря,
за зарею приходит рассвет?
Может в том, что над нами есть Бог?
Помогает он жить, спору нет.
Может в том, что встает заря,
за зарею приходит рассвет...
Мысли ходят по кругу мои,
вечер тихий, не слышно птиц,
Может плохо мне от тоски,
нет здесь рядом родных мне лиц.
Иль с годами я, как деревья,
обернулась твердой корой,
Мне ночами снится деревня –
может, там я найду покой?
В чем секрет этой жизни – не знаю,
просто нравится мне так жить,
Я живу, любя и страдая,
и страдаю, любя эту жизнь.

Мужчина и женщина

Он – сильный, статный здоровяк, она – слаба.
Он в жизни женщин господин, она – раба.
Он может грубо накричать, она – заплакать.
Он может денег не давать, она лишь ахать.
Он приказанья отдает, она их выполнит.
Он день распишет по часам, она все вытерпит.
Он взглядом может раздевать, она – смущаться.
Он будет ночь любовь дарить, она – кривляться.
Он твердый как весенний снег, она – пушинка,
Он на себе везет весь дом, она – картинка.
Он и жестокий, и крутой, вся жизнь – цейтнот,
Но если что случится с ним, она умрет.

Как не люблю Васильевский я остров,
А чаще вспоминаю край родной,
Где родилась я в Новый год, на праздник,
И стало больше на земле одной судьбой.
Край стройных сосен, голубых озер,
Где можно дно увидеть, наклонившись,
Мне заменил и братьев, и сестер,
Растил меня у ив, к реке склонивших.
Зимой одаривал деревья
Шикарнейшими шубами из снега,
А осенью желтела вся деревня,
И золотой казалась лошадиная телега.
Тот дивный край богат лесными яствами,
Такой морошки ты нигде не купишь.
А праздники с частушками и плясками!
Как жаль, что детство не воротишь!
Тогда все было натуральным,
Уж если падал снег, то был он белым,

Народ душой был чист морально,
А парень к девушке в любви совсем не смелым.
Как изменился мир, какие стали люди!
И разворован полностью мой край.
И понимаю, все это прелюдия,
Что будет дальше? Дальше будет крах.
Умрет деревня, птицы перестанут
Нам по утрам чирикать и свистеть,
Но я приду туда однажды рано
Одним глазком на дом свой поглядеть.

Ностальгия

События в одну большую цепь свяжу,
Забуду страх, обиды и невзгоды.
Как жили раньше, я одно лишь вам скажу:
«Какие это были годы!»

Косметикой не пользовались вовсе,
Девчонки хороши так, от природы.
И большинство воскликнет, но не все:
«Какие это были годы!»

Коричневое платьице, надев, бежали в школу,
Наплевав на непогоду.
Мальчишки в космос собирались полететь.
Какие это были годы!

Мы на экзамены не покупали роз,
Таща охапками сирень – дары природы,
Восьмого марта нам никто не нес мимоз.
И все же.... Ах, какие это были годы!

Весной влюблялись, плача по ночам в подушку.
Снег таял, унося плохие воды.
Признаться о любви боялись и подружкам.
Какие это были годы...

Умели радоваться солнцу и весне.
Ругались, обижались, но прощать умели.
И в том, двадцатом веке на Земле
деревья за окном так же шумели.

Теперь смотрю я с грустью на альбом,
Где фотографии ту жизнь запечатлели.
Всего на миг хочу вернуться в дом –
туда, где я качалась в колыбели.

Я не считаю себя старой, вовсе нет,
И милости не жду я от природы.
И мне всего лишь сорок лет.
Но где же вы, любимы мною годы?

Кончается жаркое лето,
все чаще шумят проливные дожди,
И в сердце рождается где-то надежда,
что лучшее все впереди.
Наводит печаль непогода за окнами,
взгрустнется порой,
Не буду смотреть я на то, что за стеклами,
побуду с собой.
Что ждет меня там за далекими далями,
как стану я жить,
Наполнится жизнь удачи деталями
иль буду тужить?
Все ровно и гладко бывает лишь в сказках,
не я их герой.
Как трудно и больно мне жить без подсказки,
так тяжко, хоть вой.
Кто жизнь разукрасил, как зебру, полосками?
Кто вредный такой?
И ждем после черной мы белую полосу,

и с ней ждем покой.
И я свою жизнь раскроила кусочками:
здесь хлеб и икра, а здесь нет даже хлеба,
И кажется, мне, что уж больно большая
и черная очень досталась мне зебра.

Диета

Пускай зовется вешалкой модель,
А женщины всегда на них глядели.
И с завистью, и с грустью, обалдев,
Стройнее, чем сейчас, быть все хотели.

И я (такая же, как все)
По понедельникам садилась на диету:
Бессолевую, овощную, на воде,
Сердясь, что предалась опять обету.

Особенно был труден первый день,
И к вечеру готов сожрать быка!
Но твердость духа проявлять было не лень,
Когда домашние хватались за бока.

На пару килограммов похудев,
Как зачумленная смотрю я на конфету.
О, боже мой, ну покажите мне его,
Кто первым выдумал диету!

Потом съедалось все, что видел глаз,
И глядя в зеркало на отраженье,
Я повторяла много-много раз:
«Я вовсе ничего, зачем это мученье!»

И к выводу пришла уже не раз:
На свете место есть худым и толстым.
Мужчины часто не отводят от нас глаз.
За нас, за полненьких! Пусть это будет тостом!

Петроградская зарисовка

Земля, что за Тучковым мостом –
Обетованная земля.
Попасть туда легко и просто –
Пешком, не тратя ни рубля.
А на стенах домов увижу
Зверей, и птичек, и сирень
(Их нахлобученные крыши
Как будто шляпы – набекрень).
И сквозь ажурное сплетенье
Колонок, шпилей, витражей
Мне мнится – проступают тени
Дам, рыцарей и их пажей.
Здесь небылицу с былью склеить –
Что выпить ковш живой воды.
Вот вам – жилище Бармалея,
Вот – замок Синей Бороды.
Ах, петроградские пейзажи,
С утра умытые дождём!
По мне, вы краше Эрмитажа,
Вы грёз отечество и дом.

Посвящение профессии

И первая любовь
С названием – работа
(Ю. Визбор)

Жадность к слову и желанье
Живо слово передать
Окупают все страданья,
Окунают в благодать.
Вот работа – сей без счёта,
Рассевай свои слова!
...Нету всходов. Вкруг – болото,

Почва дика и мертва.
Эх, какое невезенье!
Так ползёт за годом год.
Вместо пышности цветенья
Обретаю хилый плод.
- Ну, и стоит ли стараться? –
Благодетели рекут,-
- Раз ни денег, ни оваций,
И вообще – сизифов труд...
Может, всё и бесполезно,
Но судьбу не изменить.
Мне лишь сеять интересно,
А иначе пресно жить.
Я не знаю, что там дальше,
Вряд ли светлые года.
Слишком много нынче фальши
И низка цена труда.
Но судьба моя и радость
Вновь зовёт меня на бой.
Чтоб исчезла в жизни гадость,
Сею – сею день-деньской...

Утро (египетский мотив)

Солнце ластится рыжим котёнком,
Облака обнимает лучами,
В колыбельке щекочет ребёнка
И, как маятник, время качает.
В окна жёлтою радостью брызнет,
Щедро блики даря, как монеты,
Даст надежду уставшим от жизни,
Вдохновенье – певцам и поэтам.
Воздух ласков, и радость огромна,
И спешим мы надеждам навстречу,
А у утра и полночи тёмной
Зародился сиреневый вечер...

Сентябрьский вечер

А в сентябре как всегда – холода, холода,
Листья желтеют, пикируют вниз, точно звёзды.
Смутно знакомая с детства чёрная борода
Сквозь фонари и туман вдруг пригрезится...
Или почудится, будто не поздно
В жизни обыденной, тусклой – сыскать путеводную нить,
Всё изменить, всё наладить, всё выпрямить, всё объяснить,
И, отогнав все болезни, на радости их заменить...

Взрослым умом понимаю: бессмысленно и несерьёзно,
Только ведь сердцу с умом невозможно согласно прожить...

Мокрыми хлопьями падает снег,
Кружит, с дороги сбивая.
Самый на свете родной человек,
Как же теперь без тебя я?

Темная темень легла за окном,
Лица и души скрывая.
Думаю, думаю лишь об одном:
- Как же теперь без тебя я?

А для других ты такой же, как был –
Мило смеёшься, болтая.
Только со мною ты сух и уныл...
Как же теперь без тебя я?

Словом и взглядом твоим дорожу,
Разве ты не замечаешь?
Можно сказать бы... Но я не скажу:
«Как же теперь без тебя я?!»

В воспоминаниях мне не спастись.
Только тебя вспоминаю.
Разве смогу от тебя я уйти?!
Как же теперь без тебя я...

Посвящение поэтам Серебряного века

Но чем внимательней,
Твердыня Notre – Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.
О. Мандельштам

Второе рождение лета
Нам осень сулит золотая.
...Листала любимых поэтов,
К источнику сил припадая.
Пленялась их песней и светом,
Забросив дела и безделье,
А тени великих поэтов
За окнами в вечность летели.
Серебряный век, а судьбины –
Из ржавого точно железа.
Был с привкусом горькой полыни
Ваш стих, утончённо-прелестный.
Заложники жизни у смерти,
Вы – пасынки дикой державы.
Мне стиль Ваш пришёлся по сердцу,
Мне стих ваш пришёлся по нраву.
Вы мне по судьбе не собратья –
Нет крыльев, лишь посох убогий.
Но всё же спасибо сказать я
Должна показавшим дорогу.
Куда приведёт та – не знаю.
Но буду топтать, что есть силы.
А осень моя золотая
Поди, ещё не наступила?

ЮРИЙ САННИКОВ

Что помнит разбойничья кровь килийских пиратов?
Походы Норманнов, солёные степи Арала,
Арийских богов и бездонные очи архатов
И Одина голос: Вальгалла, Вальгалла, Вальгалла!

Руины и руны, магический круг Аркаима,
И конницу скифов, и камни языческих капищ...
Пространство и время вбирает в себя – неделима,
И цвет её – пламя давно отшумевших пожарищ.

С молитвой я в бездну времён погружаюсь без страха,
Я помню сады Самарканда, мечети Тебриза,
За чашей вина прославляю я имя Аллаха,
И строчки Хайяма, и красные розы Хафиза.

Не разумом – кровью я помню, я знаю, я мыслю –
Её письмена – богоданный и тайный апокриф,
В китайском халате старательно беличьей кистью
На жёлтой бумаге я вновь вывожу иероглиф.

На вольном Дону щеголял я в казацкой папахе,
Я слушал Сократа, внимал апполоновой лире,
При Ши-Хуанди я гадал по костям черепахи,
Танцующим дервишем был я когда-то в Каире.

Я помню кровавые жертвы и очи Баала,
Взнуздав свою плоть, я спасался в пещерах Афона,
В Кадисе мне тайны свои открывала Каббала,
Скрихали Гермеса и имя Адама-Кадмона.

В Магрибе на звёзды глядел я глазами бербера,
Средь предков моих звездочёты и маги-халдеи,
Я помню – косили Европу чума и холера,
Я умер во время резни и пожаров Вандеи.

С молитвой над свитком псалмов
я склонился в Кумране,
В Потале учусь я смирять свои страсти и чувства,
Я тайное имя Господне читаю в Коране,
Я с персами лью молоко и молюсь Заратустре.

Славяне, тибетцы, евреи, арабы и копты,
Сандал я и ладан в пропорциях равных смешаю...
И что мне ответить, коль спросят презрительно:
- Кто ты?
Я капельки крови своей по Земле собираю.

Вселенной живой многогранник
И золото звёздной купели...
Я – только паломник, я – странник,
Иду – и не ведаю цели.

В незримой чреде поколений
Иду все по той же дороге
В пространстве семи измерений
Где смертны и люди, и боги.

Все мнимо и прозрачно – даже
И путь мой, и вечная пристань,
Вселенской печали миражи
И листья двоящихся истин.

Я – лишь сновиденье, я – призрак
В орбите Его притяженья.
Я – дух бестелесный, я – призвук,
Тень тени и тень отраженья.

Из зеркала готической купели,
Из летописной магии и прозы
Чредой идут монахи, менестрели
И рыцари Креста и алой Розы.

Идут Христос, Мария и апостол,
В толпе торговцев, рыцарей и черни
Звучит латынь, читают «Pater Noster»,
И от небес два шага до харчевни.

На площади у церкви Магдалины
Торгуют хной, гвоздикой и шафраном,
В дубовых бочках - черные маслины,
И пахнет резедой и майораном.

Трактирщик с миской луковой похлебки,
Краюха хлеба, запах буйабеса...
И тянет дегтем от рыбачьей лодки
И Альпами – от мачтового леса.

Взлетают в небо крылья кипариса,
Каноник исповедуют матроса.
Ждет корабли из Яффы и Туниса
Рыжебородый Фридрих Барбаросса.

Господь с вершин Сенира и Ермона
Зовет его. Мерцает Палестина.
Он там уже во Храме Соломона
Дает обеты над копьем Лонгина.

Звенят мечи, кольчуги и копыта,
Плывут в Святую Землю тамплиеры,
И он стоит в плаще иоаннита
На палубе стовесельной галеры.

По звездам корабли ведут мальтийцы,
Толпа гудит в полуденном Марселе...
Бог видит сны и сам кому-то снится,
И вечен сон и тянется доселе.

И грезит он, и грезят менестрели,
Евангелисты, маги и пророки.
Над зеркалом готической купели
Неведомо кто пишет эти строки.

Поэзия пустой мансарды,
Где на стене – портрет Дали,
Где терпкое вино и нарды,
Стихи и запах конопли.

Увядшая в кувшине роза,
Случайный штрих, случайный взгляд...
Здесь у поэзии и прозы
Кофейных зерен аромат.

Здесь бронзовый божок мечтает
Хотя б на миг глаза сомкнуть.
Здесь на подрамнике мерцает
Хозяйки матовая грудь.

Лист пожелтевшей акварели,
«Тангейзер» Вагнера, оркестр,
И скрипку мастера Гварнери
С гравюры слушает Дюрер.

И ветер за окном вздыхает,
Сверкают всполохи грозы...
И ночь – как бабочка – порхает
Волшебной грезой Чжуан –Цзы.

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ ИЗДАТЕЛЯ.....3

ТАТЬЯНА КОРНЫШЕВА

Кухня..... 4
Душа поет, из сердца льется песня..... 4
Вечер..... 5
Как не люблю Васильевский я остров..... 6
Ностальгия..... 7
Кончается жаркое лето..... 8
Диета..... 9

ИРИНА КАТЧЕНКОВА

Петроградская зарисовка..... 10
Посвящение профессии..... 10
Утро (египетский мотив)..... 11
Сентябрьский вечер..... 12
Мокрыми хлопьями падает снег..... 12
Посвящение поэтам Серебряного века..... 13

ЮРИЙ САННИКОВ

Что помнит разбойничья кровь килийских пиратов..... 14
Вселенной живой многогранник..... 15
Из зеркала готической купели..... 16
Поэзия пустой мансарды..... 17

Проект - абсолютно некоммерческий и преследует лишь эстетические цели

Отв. за выпуск: Иннокентий Кресик
Отв. редактор: Валентина Савельева
Набор текста: А. Коваленко, П. Смирнов, А. Иванов
Верстка: Виктор Энский
Издатель: Детский Медиа-Холдинг
Санкт-Петербург,
В.О., 19-ая линия, д.22
тел. (812) 321-36-74
Тираж: 500 экз.

© Детский Медиа-Холдинг ГОУ СОШ №17, 2009 г.